

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Е. Ю. ЗАНЬКО

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Конфессиональная история западных областей БССР очень сложная и многогранная, отличительной чертой которой является её поликонфессиональность. Здесь помимо православия, католицизма, других христианских конфессий, большую роль играли иудаизм и ислам.

В сравнении с другими конфессиями к деятельности Русской Православной церкви советская власть относилась более лояльно. Поэтому первые послевоенные годы церковной жизни в БССР можно охарактеризовать как «возрождение по-советски». Несмотря на это, советская идеология предусматривала будущую ликвидацию церкви и религии в целом. Потому как церковь являлась основным конкурентом советской власти в идеологической сфере. Священники облагались непосильным налоговым бременем, верующим запрещалось помогать духовенству уплачивать налоги, не разрешалось проводить праздничных богослужений и крестных ходов, за нарушения верующие, наравне со священниками, привлекались к различным видам ответственности [11, с. 218–219]. В этот период времени в основе религиозной политики государства преобладал «прагматичный» подход. Используя позитивный имидж церкви для консолидации общества в тяжёлые послевоенные времена и авторитет церкви в международной политике, власти разрешали вести религиозную жизнь только на «оптимально достаточном» уровне [8, с. 66].

В период после освобождения и первые послевоенные годы власть даже шла навстречу церкви в деле открытия новых приходов, передачи церковных ценностей и в некоторой степени лояльного отношения к служителям культа. В данном регионе с учётом того обстоятельства, что в Восточной Европе ещё не установилась лояльная к СССР политическая система, и в случае возможной войны злить население возможной прифронтовой полосы не стоило. Тем более, что люди могли сравнить отношение к церкви предыдущей оккупационной администрации, и стоило не давать повод для негативных сравнений. Наряду с налаживанием церковно-административной системы управления и упорядочением общения с государственными органами в западнобелорусских областях БССР некоторое время удавалось сохранять ранее созданные формы приходской жизни. Наблюдался значительный рост общего количества православных храмов, духовенству разрешалось проводить курсы, которые были направлены на улучшение образовательного уровня клира, продолжали существовать братства и сестричества, проходили крестные ходы, большие христианские праздники носили массовый характер. Однако со временем происходит постепенная смена государственной политики по отношению к церкви, это можно проследить, прежде всего, на примере приостановки процесса регистрации и открытия новых церквей, а также в создании новых форм ограничений и контроля

деятельности духовенства и верующих. Это «охлаждение» могло мотивироваться тем, что к концу 1940-х гг. ситуация у западных соседей СССР определилась, граница мира социализма теперь проходила на несколько сот километров западнее, и теперь «заигрывать» с церковью не представлялось необходимым.

В отличие от РПЦ, католическая церковь в регионе с самого начала не встретила доброжелательное отношение власти. Искоренение католичества законодательными и идеологическими средствами шло параллельно с отбором костёлов у верующих. Довольно часто закрытие костельных зданий объяснялось «нуждами» народного хозяйства. Костёлы переоборудовались под хозяйственные склады, дома соцкультуры, избы-читальни, клубы, кинотеатры. Несмотря на свою культурную ценность, костёлы уничтожались и разрушались [14, с. 366–368].

Тотальное наступление на церковь осуществлялось законодательными, репрессивными, идеологическими, воспитательными мерами. Советское законодательство по религиозным культам было построено так, что фактически не оставляло поля деятельности для религиозных организаций, зато давало множество поводов для обвинений духовенства и верующих в его нарушениях. С целью снижения влияния ксёндзов власти содействовали выездам католических священников во время переселения польского населения в Польшу. Бесспорно, священники в деле переселения в Польшу оказывали влияние на верующих, на что неоднократно указывали партийные работники. В результате в ходе репатриации в Польшу из БССР выехало около 250 ксёндзов [14, с. 506].

Согласно мнению ряда исследователей, католический клир в Беларуси находился на протяжении рассматриваемого периода под влиянием польского католического епископата и имел ярко очерченную пропольскую ориентацию, что определённым образом отвечало распространённой тенденции ассоциации этнической и религиозной принадлежности: католик – значит поляк соответствовало действительности. Основывалось это мнение на том, что в преимущественном большинстве случаев богослужения в костёлах проводились на польском языке, из Польши поступала религиозная литература и финансовые средства [9, с. 87].

Политика советского государства оказывала определённое влияние на взаимоотношения православной церкви и католического костёла в Беларуси. 8–10 марта 1946 г. на Львовском соборе греко-католического духовенства и мирян произошло воссоединение униатов с православной церковью и упразднение Брестской унии 1596 г. Вскоре в Москве была разработана новая программа борьбы с центром мирового католицизма. Одним из важнейших его направлений была окончательная ликвидация униатской церкви в СССР, подготовка и проведение аналогичных мероприятий в других странах, создание альянса христианских церквей в виде международного движения во главе с РПЦ для борьбы с Ватиканом. Частично план был выполнен. Униатская церковь в СССР практически была уничтожена [13, с. 82].

Несмотря на репрессивные меры советского правительства, аресты, преследование католических священников, ликвидации католических обществ и закрытия костёлов, нейтрализации и подрыва мощи римско-католической церкви искоренить её на территории западных областей БССР не удалось. Значительная часть

населения западнорусского региона была достаточно религиозной. Боялись власти и возвращения Армии Крайовой. Поэтому правительство опасалось проводить политику полной ликвидации католических общин и закрытия всех костёлов.

К протестантам, как и к католикам советская власть не была благонастроена. Отличительным фактором протестантского движения в послевоенный период является то, что наибольшее количество зарегистрированных общин и верующих ЕХБ было сконцентрировано в западных областях БССР [6, с. 138–150].

В официальных документах по отношению к евангельским христианам-баптистам часто использовалось определение секта, имевшее негативную окраску. Сектанты, к которым причисляли ЕХБ, пятидесятников, адвентистов седьмого дня и др., имели определенный набор качеств. Так, в послевоенный период появилось общее определение всей жизнедеятельности протестантов – антисоветская деятельность, под которой понималось сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами во время войны, с бандитами после неё, выступления против коллективизации в западных областях БССР и др. [5, с. 302].

Чтобы контролировать деятельность пятидесятников, государственные органы всячески способствовали их вхождению в Союз ЕХБ. Однако протестантские объединения продолжали свою жизнь, приспособившись к тому, что их деятельность осуществлялась в полной секретности, полуполюгальности, а в некоторых случаях и подпольно, несмотря на официальную статистику по сокращению количества общин и верующих [1, с. 4].

Ещё одним из главных маркеров баптизма в послевоенный период являлся антимилитаризм. Антивоенные выступления верующих в официальных документах рассматривались не только как антипатриотические, но и как антисоветские действия, за что ЕХБ привлекали к уголовной ответственности. Игнорирование общественно-политической жизни в послевоенное время проявлялось в отказе участвовать в выборах в Верховный Совет, местные органы управления. Мракобесие было одной из самых унижительных характеристик образа баптистов в официальных документах. Отказ верующих посещать публичные и увеселительные учреждения (кинотеатры, театры, танцплощадки), проводить в своих домах радио объяснялось религиозным фанатизмом. Антирелигиозная политика по отношению к баптистам и атеистическая пропаганда сознательно исключали ЕХБ из общественной жизни. Они являлись оппозицией обществу, а не его частью. Общество под влиянием пропаганды не принимало баптистов. Этот образ сопровождал верующих протестантов на протяжении всего существования советского периода [5, с. 302–303].

Тем не менее, протестантские конфессии пережили непростые послевоенные времена лучше, чем католики в силу большей гибкости в отношении к власти и разнообразия форм и методов своей деятельности, меньшей принципиальности. Несмотря на постоянные внутренние конфессиональные раздоры, чем пользовалась власть, они именно в силу указанных причин сумели сохранить свои основные силы.

В послевоенный период советская власть в БССР использовала различные методы для разрушения традиционного жизненного уклада татарского населения Беларуси, а также центров сохранения этноконфессиональной специфики

этого этноса. Из 19 мечетей, существовавших на территории Беларуси перед Великой Отечественной войной, осталось только 12, 2 из которых являлись недействующими из-за отсутствия муллы и находились на территории западных областей БССР. За послевоенные годы резко сократилось татарское население в местах их прежнего компактного проживания [3, с. 447–448]. В результате все усилия были направлены на свёртывание деятельности мусульманских общин. Повсеместно уничтожались мусульманские мизары (татарское кладбище). Кладбища становились жертвами политики бюрократического аппарата. Надмогильные памятники использовались при строительстве дорог, фундаменты животноводческих ферм, надмогильные плиты были повалены и разбиты. Святые для мусульман места занимались под выпас скота или запахивались. Без преувеличения следует констатировать, что руководство партии и республики привело к упадку татарского меньшинства в Беларуси, поставило его перед угрозой исчезновения [4, с. 103–104].

В результате холокоста возрождение иудейской диаспоры происходило преимущественно механическим путём, т. е. за счёт возвращения эвакуированных, беженцев и переселенцев из других республик СССР, а не в результате естественного прироста. Многие евреи из западных областей, депортированные либо эвакуированные вглубь СССР, в послевоенные годы воспользовались своим правом репатриации. Всего на 15 августа 1946 г. своим правом выезда в Польшу воспользовалось не менее 136 579 евреев [10, с. 32].

После образования государства Израиль в 1948 г. симпатии советских евреев были представлены как еврейский «буржуазный национализм», отсутствие патриотизма и способность к коллаборации с международным империализмом. Попытки еврейских верующих добиться регистрации своих общин по аналогии с другими конфессиями воспринимались режимом с едва скрываемой злобой. Еврейские верующие не могли посещать синагогу и миньяны, открывать ешивы и отправлять детей в еврейскую национальную школу изучать Тору. Отрицательно влияло неприязненное отношение к иудаизму христиан и мусульман. Некоторые верующие этих конфессий сотрудничали во время оккупации с нацистами и были соучастниками их преступлений, а после войны сопротивлялись возвращению разграбленного ими имущества [12]. К 1953 г. в Беларуси продолжила свою работу лишь одна синагога в городе Минске. Вплоть до 1986 г. все попытки духовного возрождения иудаизма в Беларуси строго пресекались со стороны советских властей. Достаточно отметить, что евреи, посещавшие синагоги, не могли обучаться в высших учебных заведениях, их увольняли с работы, на них заводились уголовные дела по статье «тунеядство» [2, с. 265].

Политика советского государства в отношении ислама и иудаизма была одинаковой – какой-то опасности или проблемы для власти они не представляли в силу своей малочисленности – татары по причине объективных процессов денационализации малого народа в социуме бесспорно преобладающих этносов и огромной географической удалённости от потенциальных носителей исламских традиций, а евреи по причине колоссальных потерь в годы немецко-фашистской оккупации, которые демографически уже никогда не могли быть реально восполнены.

Советское руководство, позиционируя себя как атеистическая власть,

в первую очередь должна была вести борьбу с «религиозными пережитками», и для достижения этой цели был брошен весь идеологический аппарат советского государства. Широкомасштабная кампания по «борьбе с религиозными пережитками» началась лишь в 1954 г. рядом постановлений ЦК КПСС [7, с. 96]. Таким образом, пропаганда и атеистическое воспитание являлись основными направлениями идеологической работы партии. Организация атеистической пропаганды и агитации в республике имела чёткую структуру и опиралась на широкую сеть различных учреждений, занимавшихся атеистической работой в БССР (отдел пропаганды и агитации ЦК КПБ, атеистические секции или советы при парторганизациях и т. д.). Воспитание населения в духе атеизма было налажено благодаря разветвлённой структуре учебных заведений различного уровня (средние учебные заведения, вузы и т. д.), культурно-просветительских, партийных и советских учреждений.

Тем не менее, следует отметить, что религиозная жизнь в западнобелорусском регионе, довольно набожном по своему характеру, продолжалась, не поддаваясь и сопротивляясь новым властным решениям и воздействиям.

Литература

1. Балтрушэвіч, Н. Г. Узаемаадносіны дзяржавы і пратэстанцкай царквы на Беларусі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе / Н. Г. Балтрушэвіч // Канфесіі на Беларусі : гісторыя, сучаснасць: зб. мат-ў міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Брэст, 7–8 кастрычніка, 2004. Брэст: выд-ва БрДУ, 2005, – С. 3–4.

2. Дорн, Ю. М. Иудаизм в Беларуси / Ю. М. Дорн // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь : сборник документов и материалов / Авт.-сост. М. В. Цвилик; под ред. В. И. Новицкого. – Минск : Издательство «Четыре четверти», 2005. – С. 260–267.

3. Канапацкая, З. И. Диалог мусульманской и христианской культур в Республике Беларусь : проблемы и перспективы / З. И. Канапацкая // Диалог Евразия. Трансформация образования и мировоззрения в современном мире: материалы международной конференции. 22 октября 2010 г. – Минск : БГПУ, 2011. – С. 447–451.

4. Канапацкая, З. И. Положение татар-мусульман в Беларуси в XX – нач. XXI в.: национально-религиозное возрождение / З. И. Канапацкая // Культура мира среди религий : доклады Международной научной конференции, Минск, 30 ноября 2015 г.; под ред. А. М. Можейко. – Минск, 2016. – С. 101–105.

5. Касатая, Т. У. Вобраз евангельскіх хрысціян-баптыстаў у 1940–1950-я гг. у афіцыйным дыскурсе (на аснове дакументаў фонда Упаўнаважанага па справах рэлігійных культураў пры Савеце Міністраў БССР) // Актуальныя праблемы істэрыкаў: матэрыялы міжнароднага навукова-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты, Минск – Витебск, 9–11 октября 2013 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – С. 301–305.

6. Касатая, Т. Эвангельскія хрысціян-баптысты ў БССР у 1944–1950-х гг. / Т. Касатая // Arche-Пачатак. – 2012. – №1–2. – С. 138–150.

7. Король, В. Л. Атеистическое воспитание и пропаганда в БССР (1954–1964 гг.) / В. Л. Король // Рэха мінуўшчыны : зб. навук. арт. / рэдкал. : А. С. Горны [і інш.]. – Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. – С. 95–104.

8. Кулажанка, У. Г. Асаблівасці арганізацыі жыцця праваславаўнай царквы ў Беларусі 1944–1948 гг. Па матэрыялах фондаў Упаўнаважаных Савета па справах РПЦ пры СНК СССР: да пастаноўкі пытання / У. Г. Кулажанка // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: 12 зб. навук. арт.: у 2 ч. /

ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: Э. С. Ярмусік [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – Ч. 2 – С. 63–68.

9. Мазец, В. Г. Некаторыя аспекты дзяржаўнай палітыкі ў рэлігійнай сферы і праблема самаідэнтыфікацыі прадстаўнікоў каталіцкай канфесіі ў БССР (2-я палова 40-х – 50-х гады ХХ ст.) / В. Г. Мазец // Беларусь: государство, религия, общество : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск-Жировичи, 7 июня 2007 г.; редкол.: протоиерей В. Антоник [и др.]. – Минск, 2008. – С. 86–89.

10. Розенблат, Е. С. Динамика численности и расселения белорусских евреев в ХХ веке / Е. С. Розенблат, И. Э. Еленская // «Диаспоры». – 2002. – № 4. – С. 27–52.

11. Сілава, С. Праваслаўная царква ў БССР падчас «хрушчоўскай адлігі». На прыкладзе прыходаў Гродзенскай вобласці / С. Сілава // Arche-Пачатак. – 2011. – № 10. – С. 218–239.

12. Смілавіцкі, Л. Асаблівасці савецкай рэлігійнай палітыкі ў Беларусі ў паваяенны час (1944–1956 гг.) / Л. Смілавіцкі // Царква. Беларуская грэка-каталіцкая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carkva-gazeta.by/index.php?num=233&year=2011>. – Дата доступа: 19.02.2013.

13. Ярмусік, Э. С. Влияние политики советского государства на взаимоотношения православной церкви и католического костёла в Беларуси (1945–1990 гг.) / Э. С. Ярмусік // Православие в духовной жизни Беларуси : сб. мат. междунар. науч.-практ. конф., 25–26 апреля 2007 года, редкол.: М. Э. Чесновский, А. А. Горбацкий, А. Н. Вабищевич. – Брест, 2008. – С. 81–88.

14. Ярмусік, Э. С. Католический костёл в Беларуси в 1945–1990 годах : монографія / Э. С. Ярмусік. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 568 с.

Отличительной чертой религиозной жизни западнобелорусского региона в послевоенный период является его поликонфессиональность и высокая религиозность. Помимо христианских конфессий здесь большую роль играли иудаизм и ислам. Первые послевоенные годы церковной жизни в БССР характеризуются как «возрождение по-советски». Тем не менее советская идеология предусматривала ликвидацию церкви и религии в целом. Советское руководство вела борьбу с «религиозными пережитками», и для достижения этой цели был брошен весь идеологический аппарат советского государства. Тем не менее религиозная жизнь в западнобелорусском регионе продолжалась, сопротивляясь властным решениям и воздействиям.

A distinctive feature of the religious life of the West Belarusian region in the post-war period is its poly-confessional and high religiosity. In addition to Christian denominations, Judaism and Islam played a major role here. The first post-war years of church life in the BSSR are characterized as a "Soviet revival". Nevertheless, the Soviet ideology envisaged the elimination of the church and religion in general. The Soviet leadership was fighting against "religious remnants", and the entire ideological apparatus of the Soviet state was abandoned to achieve this goal. Nevertheless, religious life in the Western Belarusian region continued, resisting imperious decisions and influences.